

ти призвал однажды нашего сочинителя и в присутствии господ дю Фе²⁰ и дю Пена²¹ затеял диспут о различных государственных правлениях. Сочинитель на вопрос, какое из всех правлений он полагает лучшим, немедля ответил, что для французов лучшее — монархическое и что монархию французскую он почитает выше, нежели польскую. Говоря о преимуществах французской монархии, он вынужден был сказать: «В этом вопросе я держусь того, что утверждал ученейший Аян²², и считаю несправедливыми те перемены, которые привели к власти клириков. Филипп Красивый²³, будучи смелым и независимым государем, утверждал, что коль на кого-то взвалили ярмо, сие ярмо не должно быть непосильным». Нам хотелось бы сослаться на эти слова, чтобы объяснить многое в писаниях нашего сочинителя, в которых он часто выступает против тирании, но в которых нет ничего против королевской власти. По сути дела эти его труды, перенесенные им тяготы и полученные раны доказывают его преданность и любовь к своему королю. Дабы наглядно вам сие подтвердить, я привожу здесь три станса, которые послужат автору как исповедь, покажут, какую он мыслил королевскую власть. Сии стансы взяты из одного стихотворения²⁴, которое в первую очередь будет включено в его «Смесь». Эти стансы следуют за строфой, чья первая строка:

Король, ты отроком воссел на шкуре отчей...

и далее:

*Власть королевская — вселенских сил зеркало,
Аристократия ступенью ниже встала,
Народовластия пониже надо слезть;
Все власти держатся — и эти, и другие,*